

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

О гастрольях Красноярского театра драмы имени А. С. Пушкина в Одессе

Целый месяц продолжались гастроли сибирских гостей, впервые приехавших в Одессу, город славных боевых, революционных и культурных традиций, город театральный. Зрительные залы русского драматического театра, театра оперы и балета, где выступали сибиряки, часто были переполнены до отказа. Не могут красноярцы пожаловаться и на отдаленные от города районы. Всюду зрители принимали артистов тепло, сердечно.

Не боясь преувеличений, скажем прямо, что в Красноярском драматическом театре есть ряд актеров, способных решать самые сложные творческие задачи. Рядом с опытными мастерами сцены работает интересная, многообещающая молодежь. Не будем перечислять имена — вы их отлично знаете.

Почему же все-таки по окончании гастролей остается чувство неудовлетворенности? Большой разговор, предполагавшийся в одесском Доме актера или в стенах театра с творческим коллективом красноярцев, к сожалению, не состоялся. Между тем, солидный театр, абсолютно не нуждающийся в каких-либо скидках на периферийность, далеко не может быть вне строгой нелицеприятной критики. Успех обязывает. Поговорить начистоту тем более необходимо, что свой приезд в Одессу красноярские гости декларировали как творческий отчет. Вправе ли мы, однако, считать, что он оказался полноценным?

Театр начинается... с афиши. Афиша — как бы прелюдия к знакомству с лицом театра. А его лицо — репертуар. Но первое, что заставило нассторожиться — всю основу своего советского репертуара Красноярский театр оставил дома. Единственный новый для Одессы спектакль «Совесть» на актуальную тему дней нашей жизни — и все. Больше ни одного проблемного спектакля, затрагивающего жгучие вопросы нашей современности. Нельзя же в самом деле думать, что «Таня» А. Арбузова или «Мать своих детей» Афиногенова — пьесы многолетней давности, шедшие к тому же сотни раз в нашем городе, могут в

какой-то мере удовлетворить острую потребность советских людей увидеть и услышать со сцены то, чем живет наша страна сегодня, сейчас!

Но оказалось, что и «Совесть» была поставлена лишь для «очистки совести». Скажите, дорогие товарищи, положив руку на сердце: можно ли было открыть гастролы «голым» спектаклем — без надлежащего художественного оформления? Ведь «по одежке встречают»... Правда, по игре «провожают». Ваш первый спектакль «Совесть» оказался и последним: вы словно устыдились повторить его. Если бы вы привезли его в достойном виде, то, пожалуй, он сделался бы «гвоздем» гастрольного сезона: интерес к спектаклю был необычайный. Успех он имел бы несомненный, даже несмотря на серьезные недостатки.

Важнейший просчет в том, что в борьбе за правду центральным лицом в спектакле «Совесть» получился не Мартынов, которого играет В. Казачек, а беспартийный большевик Саргачев, блестяще показанный заслуженным артистом РСФСР Н. Дубинским, и приковывающий внимание зрителей Птенцов в ярком исполнении В. Мерцкова. Они, собственно, и ведут наступление на проходимца Прошина, в ряде моментов просто заслоняют собой Мартынова, лишеного в спектакле той многокрасочности, которая дана ему и в романе, и в инсценировке.

Другая беда спектакля в том, что противостоящий Мартынову Прошин о первого же появления на сцене (играет его заслуженный артист РСФСР П. Словоцов) предъявляет зрителю свою «визитную карточку». Он совсем не опасный противник, он вовсе не страшен. С таким «прозрачным» Прошиным нетрудно вести борьбу. И диву даешься: как мог такого Прошина не разгадать Якимов, столь досто-

верно показанный народным артистом РСФСР Н. Прозоровым?

И все-таки спектакль смотрелся с затаенным вниманием, зритель активно вмешивался в действие, бурно реагировал на происходящие в пьесе события... Но обольщаться этим нельзя. Часто успех автора актеры принимают на свой счет.

...«Маскарад». Казалось, можно только быть признательным театру за то, что в канун лермонтовского 150-летия он привез великое драматическое произведение поэта. Но как же не досадовать на то, что и этот спектакль не был достойно «одет», а главное — не прочитан «свежими и нынешними очами» (выражение Н. В. Гоголя). Трагедия Арбенина, трагедия одиночества незаурядного человека в окружении «завистливого и душного света» звучит в старом, поблекшем от времени и «разболтавшемся» спектакле как банальная драма ревности. А актеры, которые должны олицетворять на сцене обобщенный образ маскарада — «приличьем стянутые маски» — за малым исключением лишь подыгрывают центральным персонажам. Чудесный стих Лермонтова, «облитый горечью и злостью», произносится... под рычащие и хрипящие звуки магнитофона с динамиками чудовищной мощности. Не знаю, как чувствовали себя актеры, но зрители изнемогали от какофонии, заглушавшей чарующую музыку лермонтовского слова...

Говоря об уязвимых сторонах гастролей, следует упомянуть «Таню» и «Мать своих детей». Эти, относительно прилично обставленные спектакли, все же трудно отнести к показательным творческим достижениям Красноярского театра. Они обескровлены обилием так называемых «вводных», частую актрених, и сильно пострадали от так называемых «параллелей».

Слов нет: параллельные спектакли

нужны. Но о каком стройном ансамбле может быть речь, если для выездных спектаклей не созданы соответствующие условия? Это губительно отражается на творческом самочувствии актеров, вынужденных на ходу приспосабливаться к необычной обстановке, наспех «перестраиваться». Ансамбль расшатывается, ритм спектаклей нарушается, мизансцены уродуются. Но разве зрители районов не имеют такого же права на полноценный в художественном отношении спектакль, как и зрители города?

Что же это: все плохо? Нет! Но мы говорим о минусах, чтобы подчеркнуть: их не должно быть в театре, носящем имя А. С. Пушкина. Каждый ваш спектакль должен быть праздником искусства. Таким праздником и явился спектакль «Дурочка» Лопе де Вега. Этот, любовно поставленный, интересно оформленный и дружно сыгранный спектакль позволил коллективу, в частности В. Долматовой и Н. Прозорову, продемонстрировать в полной мере свои творческие возможности. Говоря по правде, «Дурочка» и стала «гвоздем» гастролей.

Прекрасное впечатление оставил и «Скупой» Мольера, сыгранный с подлинным комедийным блеском, хотя и с некоторым увлечением эквилибристикой.

Итак, можно ли считать, что Красноярский театр приехал в Одессу во всеоружии, с полноценным творческим отчетом? Ответ напрашивается сам собой. Безоглядные комплименты и расщаркивания были бы неуместны.

Мы ждем следующей встречи с талантливым коллективом Красноярского театра, полюбившегося одесским зрителям. Но мы вправе надеяться, что увидим в репертуаре этого театра новые спектакли и, в первую очередь, советские пьесы, в частности сибирских драматургов. Хотелось бы также увидеть на сцене Красноярского театра побольше русских классических пьес, и прежде всего пьес великого Островского.

А. ГРИН.

г. Одесса.

23 апр 1967

Красноярский театр драмы имени А. С. Пушкина